

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Психологические науки / Psychological Science
Оригинальная статья / Original Article
УДК 159.9
DOI: 10.31161/1995-0675-2021-15-4-113-119

Фактор полиэтнической среды в индивидуальных ценностях молодежи

©2021 Магомедов П. Ш.^{1, 2}, Сайбулаева Д. Г.³, Чанакаев Г. М.¹

¹Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия, pakhru@mail.ru, insait6@yandex.ru

²Дагестанский государственный университет (филиал), Кизляр, Россия

³Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия,
saibulaewa@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель – определить роль фактора полиэтнической среды в индивидуальных ценностях дагестанской, русской и чеченской молодежи. **Метод.** Методика Шварца для изучения ценностей личности (Профиль личности). **Результаты.** Выявлены значимые различия в иерархиях индивидуальных ценностей молодежи трех названных этнокультурных групп, а также различия по ценностным измерениям «коллективизм-индивидуализм», «сохранение-открытость изменениям», обусловленные фактором моно- и полиэтнической среды. **Выводы.** Различия в индивидуальных ценностях более выражены между русской молодежью, с одной стороны, и дагестанской и чеченской – с другой. Наиболее значимым является различие в отношении к традиции: у чеченской молодежи традиция доминирует среди ценностей, у дагестанской молодежи – занимает второстепенное положение, для русской молодежи – малозначима. Дагестанцы и чеченцы более ориентированы на ценности сохранения и самозащиты, тогда как русская молодежь – на открытость изменениям. Полиэтничность культурной среды способствует росту значимости ценностей индивидуалистической ориентации.

Ключевые слова: полиэтническая среда, индивидуальные ценности молодежи, кросс-культурные различия, методика Ш. Шварца, ценности индивидуалистической ориентации

Формат цитирования: Магомедов П. Ш., Сайбулаева Д. Г., Чанакаев Г. М. Фактор полиэтнической среды в индивидуальных ценностях молодежи // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2021. Т. 15. № 4. С. 113–119. DOI: 10.31161/1995-0675-2021-15-4-113-119

Factor of Multi-Ethnic Environment in the Individual Values of Young People

©2021 Pakhrudin Sh. Magomedov^{1, 2},

Jamilya G. Saibulaeva³, Geray M. Chanakaev¹

¹Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia, pakhru@mail.ru, insait6@yandex.ru

²Dagestan State University (the branch), Kizlyar, Russia

³Dagestan State University, Makhachkala, Russia, saibulaewa@mail.ru

ABSTRACT. Aim. To determine the role of the multiethnic environment factor in the individual values of the Dagestan Russian and Chechen youth. **Method.** Schwartz's method for studying the values of personality (Profile of the person). **Results.** Significant differences in the hierarchies of individual values of young people of the three named ethno-cultural groups, as well as differences in the value dimensions of "collectivism-individualism", "preservation-openness to change", due to the factor of mono- and multi-ethnic environment. **Conclusions.** Differences in individual values are more pronounced between Russian youth, on the one hand, and Dagestan and Chechen youth, on the other. The most significant is the difference in attitude to tradition: for Chechen youth, tradition is dominant in values, for Dagestan youth it occupies a secondary position, for Russian youth it is of little importance. Dagestanis and Chechens are more focused on the values of preservation and self-defence, while Russian youth are more open to change. The multi-ethnic nature of the ethno-cultural environment contributes to the growth of the importance of the values of individualistic orientation.

Keywords: polyethnic environment, individual values of young people, cross-cultural differences, Sh. Schwartz method, values of individualistic orientation

For citation: Magomedov P. Sh., Saibulaeva J. G., Chanakaev G. M. Factor of Multi-Ethnic Environment in the Individual Values of Young People. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 113–119. DOI: 10.31161/1995-0675-2021-15-4-113-119 (in Russian)

Введение

Согласно теории социального конструктивизма человек сам создает (конструирует) в своем восприятии реальность, которая его окружает. При этом процесс конструирования социальной реальности не является произвольным и индивидуальным, а осуществляется под влиянием культурной среды, в которой личность формируется. В этом контексте вполне обосновано определение культуры как «коллективного программирования сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других». Выделяя особенность этнической культуры, Г. Хофстеде указывает, что она «прививается с раннего детства, имеет гораздо более глубокие корни в человеческом сознании» и проявляется в часто неосознаваемой «склонности предпочитать некоторые обстоятельства по сравнению с другими» [6].

Культурная психология исходит из того, что люди живут не абстрактно, а согласно определенным целям, ценностям, картинам мира, которые обеспечивают взаимопонимание в культуре [10]. В каждой культуре, считает Г. Триандис, можно выделить так называемые «культурные синдромы» – модели убеждений, установок, самоопределений, норм и ценностей, характерные для неё [5, с. 20].

Как отмечает А. Г. Асмолов, культура формирует образцы поведения и познания, т. е. «надсознательные надиндивидуальные явления», которые проявляются в социотипическом поведении [1], под влиянием культуры происходит «усвоение

характерных для данной специфической культуры знаково-символических структур и ценностно-смысловых регуляторов» [3, с. 29].

Одной из самых значимых культурных характеристик является «коллективизм-индивидуализм», по которой различаются коллективистские (традиционные) и индивидуалистические культуры. Установлено, что представители коллективистских культур рассматривают себя как часть группы, чувствуют взаимозависимость членов группы и склонны к подчинению личных целей групповым, тогда как индивидуалисты автономны по отношению к группе, независимы от групповой принадлежности, убеждены, что они вправе делать то, что хотят, независимо от желаний группы. Вместе с тем Г. Триандис различает коллективизм горизонтальный, в котором акцент делается на «взаимозависимости и единстве», и вертикальный, где подчеркивается «значимость служения группе» [5, с. 209]. Д. А. Леонтьев также подчеркивает, что «за теми психологическими проявлениями, которые мы называем словами “коллективизм” и “индивидуализм”, может стоять разная психологическая реальность [3, с. 22], при этом он ссылается на исследование [9], в котором коллективизм и индивидуализм измерялись как две независимые переменные, каждая из которых, в свою очередь, оказалась неоднородной. Таким образом, коллективизм в различных этнокультурах, очевидно, понимается и проявляется неодинаково. Можно предположить, что в

традиционных культурах преобладает вертикальный коллективизм. Однако это требует специального исследования, в котором бы контролировался целый ряд переменных, в том числе полиэтничность среды.

Как показывают результаты эмпирических исследований, полиэтничная среда влияет на различия людей в индивидуальных ценностях [4, 7]. На выявление роли полиэтничности как этнокультурной характеристики в групповых различиях было направлено данное эмпирическое исследование, в котором изучались индивидуальные ценности молодежи трех этнических групп.

Отметим, что специфичность дагестанского социума состоит в его изначальной полиэтничности, вместе с тем он в целом относится к восточному типу общества, приверженному традиционным ценностям, что объединяет его с другими северокавказскими этносами. Важно подчеркнуть, что полиэтничный характер социокультурной среды Дагестана отличается тем, что здесь исторически не было и нет в настоящее время доминирующего этноса, под культурным влиянием которого находились бы другие малочисленные народности, тогда как более распространенной в мире является ситуация, когда множество этносов сосуществует с одной преобладающей нацией, отношения между которыми не всегда могут быть равными.

Выборка испытуемых из Санкт-Петербурга, представляющая русскую молодежь, не рассматривалась нами как относящаяся к полиэтничной среде, хотя в городе проживает значительная часть людей разных этнических групп. Это более вестернизированная столичная русская молодежь, обучающаяся в типичных общеобразовательных и высших учебных заведениях, то есть данная выборка не является вполне репрезентативной для русской молодежи в целом.

В то же время выборка чеченской молодежи относится к типично моноэтнической среде и отражает как этнокультурные характеристики, так и социально-психологические особенности, обусловленные этой средой. При этом важно, что Чечня по многим культурным параметрам близка Дагестану. Это определяется гео-

графическим соседством, сходством культурных традиций, языков и истории, что позволяет объяснить различия в ценностях, обнаруженные между молодежью указанных регионов, влиянием моно- и полиэтничной среды.

Цель и метод исследования

В этом эмпирическом исследовании сравнивались индивидуальные ценности молодежи трех этнокультурных групп, которые отличались по двум параметрам: 1) близости к традиционному типу общества (представители Дагестана и Чечни), в отличие от более вестернизированной русской молодежи (выборка Санкт-Петербурга); 2) моноэтничности (Чечня) и полиэтничности (Дагестан). Предполагалось, что системы ценностей молодежи трех указанных групп будут различаться в зависимости от фактора полиэтничности среды, а также локальной близости к западной культуре. Это предположение было проверено в ходе эмпирического исследования, выборка которого включала юношей и девушек в возрасте 16–22 года, представляющих старшеклассников и студентов Санкт-Петербурга, Грозного и Махачкалы, всего 346 человек. Индивидуальные ценности диагностировались с применением методики Ш. Шварца для изучения ценностей личности (профиль личности) [2, 8].

Результаты исследования

Ниже представлены описательные статистики данных по индивидуальным ценностям молодежи.

На рисунке 1 показаны различия в значимости ценностей между тремя группами молодежи. Они наиболее выражены по таким ценностным типам, как *традиция*, *конформность*, *гедонизм* и *самостоятельность*.

В таблице 1 представлены результаты проверки статистической значимости различий в значимости типов ценностей между тремя группами.

Из данных таблицы 1 следует, что между молодежью Санкт-Петербурга и Грозного имеются различия в значимости всех типов ценностей, за исключением *стимуляции*. Как и ожидалось, все ценности социального фокуса более значимы для чеченской молодежи, ценности личностного фокуса – для русской.

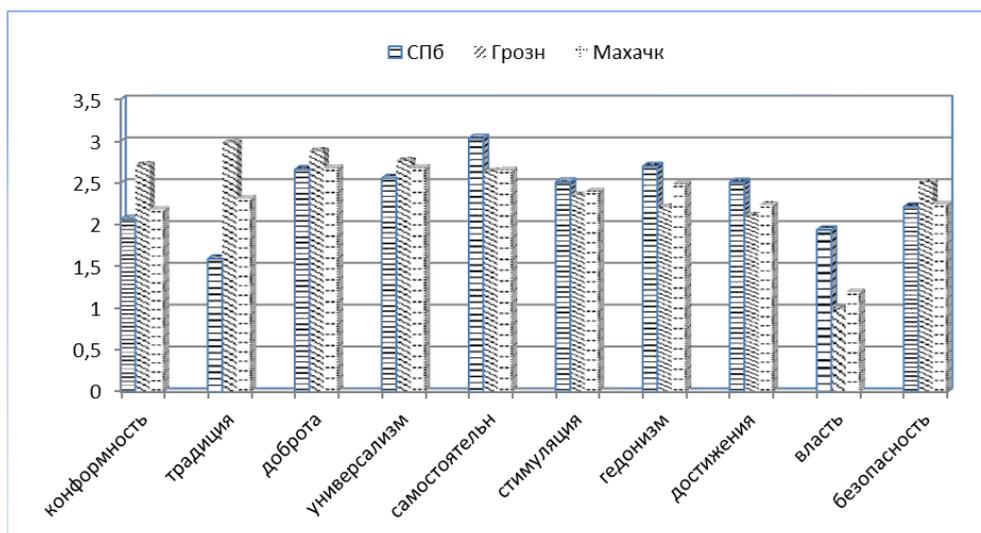


Рисунок 1. Сравнительная значимость ценностей. Средние значения. Санкт-Петербург, Грозный, Махачкала

Таблица 1

Значимость различий в предпочтении типов ценностей между тремя группами: Санкт-Петербург, Грозный, Махачкала. Т-критерий для независимых выборок

ЦЕННОСТНЫЕ ТИПЫ	1 – СПб. 2 – Грозный 3 – Махачкала	Критерий Ливена		Т	Знач. (2-х ст.)
		F	Знач.		
КОНФОРМНОСТЬ	1 – 2	1,170	,281	-6,33	,000
	1 – 3	4,451	,035	-1,18	,237
	2 – 3	1,407	,236	6,26	,000
ТРАДИЦИЯ	1 – 2	1,967	,162	-12,73	,000
	1 – 3	,048	,827	-6,80	,000
	2 – 3	3,853	,050	7,54	,000
ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ	1 – 2	1,891	,170	-1,98	,049
	1 – 3	,202	,653	-,20	,835
	2 – 3	1,969	,161	2,45	,015
УНИВЕРСАЛИЗМ	1 – 2	,723	,396	-2,07	,039
	1 – 3	,206	,650	-1,37	,169
	2 – 3	,379	,538	1,13	,258
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ	1 – 2	2,629	,106	4,12	,000
	1 – 3	3,769	,053	4,54	,000
	2 – 3	,003	,959	-,22	,823
СТИМУЛЯЦИЯ	1 – 2	,886	,347	1,28	,200
	1 – 3	1,492	,223	1,006	,315
	2 – 3	,065	,800	-,44	,658
ГЕДОНИЗМ	1 – 2	17,032	,000	3,26	,001
	1 – 3	7,958	,005	1,68	,093
	2 – 3	3,883	,049	-2,30	,022
ДОСТИЖЕНИЯ	1 – 2	2,429	,120	3,25	,001
	1 – 3	1,090	,297	2,45	,014
	2 – 3	,446	,505	-1,31	,190
ВЛАСТЬ	1 – 2	9,490	,002	6,39	,000
	1 – 3	6,420	,012	5,59	,000
	2 – 3	,795	,373	-1,74	,082
БЕЗОПАСНОСТЬ	1 – 2	,518	,473	-2,84	,005
	1 – 3	2,445	,119	-,32	,747
	2 – 3	,945	,332	3,09	,002

Относительно меньше значимых различий имеется в ценностях русской и дагестанской молодежи. Вместе с тем направленность различий сохраняется и здесь: для представителей традиционного общества (как дагестанцев, так и чеченцев) более значимы ценности социального фокуса, русская молодежь более привержена ценностям личностного фокуса. Различия между русской и дагестанской молодежью имеются в отношении к *традиции* (она значима для дагестанской молодежи), а также к ценностям *самостоятельность*, *достижения* и *власть* (они более значимы для русской молодежи).

В контексте влияния полиэтнической среды на ценностные предпочтения молодежи важно отметить, что дагестанская и чеченская молодежь также различается в значимости коллективистских ценностей. Такие ценности, как *конформность*, *традиция*, *доброжелательность* и *безопасность*, более значимы для чеченской молодежи, а *гедонизм* – индивидуалистическая ценность – для дагестанской молодежи. Для дагестанской молодежи, по сравнению с чеченской, более высокое место в иерархии занимают индивидуально ориентированные ценности.

Обнаруженные различия в открытости изменениям и приверженности ценностям личностного фокуса между чеченской и дагестанской молодежью можно объяснить влиянием фактора полиэтнической социокультурной среды. Близость дагестанцев и чеченцев по этнокультурным характеристикам вполне очевидна, вместе с тем различия в ценностях и, как следствие, социальных установках между ними существенны, таким образом, они обусловлены средовыми различиями.

Моноэтнические группы, как известно, являются более сплоченными, чем полиэтнические, причем эта характеристика становится выраженной в условиях угрозы ее безопасности. Сплоченность проявляется в том числе в большей приверженности внутригрупповым нормам (этнической традиции), в явном групповом конформизме, а значит, и в меньшей автономности по отношению к группе. Значимость этнической идентичности также выше для этнически однородных групп.

Социализация в полиэтнической среде предполагает знакомство с ранних лет с этнокультурными и прежде всего языко-

выми различиями, что связано с принятием и пониманием этих различий, на основе чего развивается межкультурная толерантность и большая открытость изменениям. Толерантность личности выступает здесь как необходимое адаптивное качество и фактор успешности межличностной коммуникации.

Изначальная полиэтничность Дагестана также обуславливает особенности идентичности дагестанцев. Она характеризуется не только многоуровневостью, но и высокой значимостью общедагестанской идентичности по отношению к собственно этнической, что позволяет рассматривать дагестанский социум как отдельный целостный этнос.

Важнейшую роль в процессе формирования общедагестанского этноса играет единый язык межэтнического общения, в качестве которого выступает русский язык. Язык, как известно, конструирует мировоззрение личности и находится в основе «коллективного программирования сознания». В знаково-символических структурах, прежде всего в языке, обобщается коллективный опыт, под их влиянием формируется индивидуальная картина мира. В этой связи специального исследования заслуживает проблема влияния на этническое самосознание незнание родного языка.

Одновременно с процессом формирования в результате интеграции нескольких десятков коренных этнических групп разной численности общедагестанского этноса все более распространенным становится переход дагестанцев к употреблению русского языка не только в качестве государственного официального и языка межэтнического общения, но и языка, заменяющего родные языки. Этому способствуют два объективных фактора. Первый связан с ростом городского населения и уменьшением жителей моноэтнических поселений, отдаленных от городов. Второй фактор – всеобщая доступность, в том числе для самых маленьких детей, девайсов, подключенных к интернету, которые в значительной мере заменяют непосредственное взаимодействие людей, не говоря уже об общении на родном языке – имеет более значительные последствия для языков малочисленных этносов и не только для них. Впрочем, самые различные последствия для человека и общества, свя-

занные с переходом к цифровой цивилизации, ещё только исследователям предстоит изучить.

Общественные активисты Дагестана с тревогой констатируют, что значительная часть дагестанской молодежи, проживающая в городах, не владеет родным языком, являющимся важнейшим фактором сохранения этничности и этнической культуры в целом. Но это не является специфически дагестанской проблемой. С психологической точки зрения интерес представляет исследование влияния знания родного языка на этническую идентичность.

Выводы

Между дагестанской, русской и чеченской молодежью имеются значимые различия в иерархии индивидуальных ценностей. Эти различия более выражены между русской, с одной стороны, и северокавказской (дагестанской и чеченской) молодежью – с другой.

Самое существенное различие между представителями русской и представителями дагестанской и чеченской молодежи имеется в отношении к *традиции*: для че-

ченской молодежи традиция является доминирующей в ценностях, у дагестанской молодежи она занимает середину иерархии, у русской молодежи – последнее место, то есть является отвергаемой. Таким образом, северокавказская молодежь более ориентирована на ценности *сохранения* и *самозащиты*, тогда как русская молодежь более устремлена к *открытости изменениям*. На это указывает и большая значимость ценностного типа *самостоятельность* для русской молодежи по сравнению с северокавказской.

Дагестанская молодежь менее привержена *сохранению* и более ориентирована на автономность (*самостоятельность*) по отношению к группе в сравнении с более конформной в отношении группы и строго придерживающейся традиции чеченской молодежью.

Подтверждается предположение, что полиэтническая среда способствует формированию большей открытости изменениям и росту ценностей индивидуалистической ориентации, о чем свидетельствуют различия в иерархиях ценностей дагестанской и чеченской молодежи.

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528 с.
2. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
3. Леонтьев Д. А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 22–32.
4. Магомедов П. Ш., Чанакаев Г. М. Индивидуальные ценности россиян в сравнительных исследованиях // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2017. Т. 11. № 4. С. 10–17.
5. Триандис Г. К. Культура и социальное поведение / Пер. В. А. Соснин. М.: Форум, 2007. 384 с.
6. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. Вып. 12. С. 9–49.

7. Чанакаев Г. М. Кросс-культурные различия в индивидуальных ценностях современной русской и северокавказской молодежи // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2017. Т. 11. № 4. С. 22–30.
8. Schwartz S., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 58 (5), May 1990, pp. 878–891.
9. Shulruf B., Hattie J., Dixon R. Development of a new measurement tool for individualism and collectivism. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 2007, vol. 25. no. 4, pp. 385–401.
10. Shweder R. A., Goodnow J. J., Hatano G. et al. The cultural psychology of development: one mind, many mentalities. *Handbook of Child Psychology* / Ed. by W. Damon, R. Lerner. 6th ed. V. 1: Theoretical models of human development. N.Y., Wiley, 2006, pp. 716–792.

References

1. Asmolov A. G. *Psichologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of personality: cultural and

historical understanding of human development]. Moscow, Smysl, 2007, 528 p. (in Russian)

2. Karandashev V. N. *Metodika Shvarca dlya izucheniya cennostej lichnosti: koncepciya i*

metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz's methodology for studying personal values: concept and methodological guide]. Saint Petersburg, Rech', 2004, 70 p. (in Russian)

3. Leontiev D. A. *O nekotoryh aspektah problemy "kul'tura i lichnost'"* [On some aspects of the problem of "culture and personality"]. Cultural-Historical Psychology, 2013, no. 1, pp. 22–32 (in Russian).

4. Magomedov P. Sh., Chanakaev G. M. *Individual'nye cennosti rossiyan v sravnitel'nykh issledovaniyakh* [Individual values of Russians in comparative studies]. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 10–17 (in Russian).

5. Triandis G. K. *Kul'tura i social'noe povedenie* [Culture and social behavior]. Per. V. A. Sosnin, Moscow, Forum, 2007, 384 p. (in Russian)

6. Hofstede G. *Model' Hofstede v kontekste: parametry kolichestvennoj harakteristiki kul'tur* [The Hofstede model in context: quantitative parameters of cultures]. Language, Communication

and Social Environment, 2014, issue 12, pp. 9–49 (in Russian).

7. Chanakaev G. M. *Krosskul'turnye razlichiya v individual'nykh cennostyakh sovremennoj russkoj i severokavkazskoj molodezhi* [Cross-cultural differences in individual values of modern Russian and North Caucasian youth]. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 22–30 (in Russian).

8. Schwartz S., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. Journal of Personality and Social Psychology, vol. 58 (5), May 1990, pp. 878–891.

9. Shulruf B., Hattie J., Dixon R. Development of a new measurement tool for individualism and collectivism. Journal of Psychoeducational Assessment, 2007, vol. 25, no. 4, pp. 385–401.

10. Shweder R. A., Goodnow J. J., Hatano G. et al. The cultural psychology of development: one mind, many mentalities. Handbook of Child Psychology, ed. by W. Damon, R. Lerner, 6th ed., vol. 1. Theoretical Models of Human Development. N. Y., Wiley, 2006, pp. 716–792.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Магомедов Пахрудин Шабанович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии развития личности, Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; доцент, кафедра социогуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет (филиал), Кизляр, Россия, pakhru@mail.ru

Сайбулаева Джамиля Гаирхановна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии развития и профессиональной деятельности, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, saibulaewa@mail.ru

Герай Магомедзагидович Чанакаев, старший преподаватель кафедры психологии, Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия, insait6@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Pakhrudin Sh. Magomedov, Ph. D. (Psychology), assistant professor, the chair of Personality Development Psychology, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia; Assistant professor of the Department of Socio-Humanitarian Disciplines, Dagestan State University (branch), Kizlyar, Russia, pakhru@mail.ru

Jamilya G. Saibulaeva, Ph. D. (Psychology), assistant professor, the chair of Developmental Psychology and Professional Activity, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, saibulaewa@mail.ru

Geray M. Chanakaev, Senior Lecturer, the chair of Psychology, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, insait6@yandex.ru

Принята в печать 28.10.2021.

Received 28.10.2021.